

Елена Арсеньева
Последний дар любви

«Автор»

2011

Арсеньева Е. А.

Последний дар любви / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2011

ISBN 978-5-699-48497-3

Александр Второй, царь-освободитель, не боялся никого и ничего. Но когда он решил связать себя узами брака с Екатериной Долгорукой, ему понадобилось особое мужество – император не должен позволять себе поступать так, как велит ему сердце. Екатерина была ему необходима как воздух, и ее чувства к нему были пылкими и бескорыстными. Ей не надо было от Александра ничего, кроме любви...

ISBN 978-5-699-48497-3

© Арсеньева Е. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Арсеньева

Последний дар любви

Помедли, помедли, вечерний день,

Продлись, продлись, очарованье.

Ф. Тютчев

ЧАСТЬ I

Глава 1

Cherchez la femme!

Государь император Николай Павлович шел по набережной Невы, гордо держа свою скульптурно-красивую голову и делая вид, будто ему нипочем порывы осеннего ветра. Впрочем, может статься, что никакого вида он не делал, а и ветра действительно не замечал, ибо до крайности был озабочен делами семейными. Семейными, но и отчасти государственными! Ведь касалась озабоченность не какой-нибудь там левретки Молли или кошки Лотты, которых так любят его жена и дочери, а прежде всего Александра, сына Николая Павловича, а значит, наследника престола, цесаревича, будущего государя императора. Причем дела имели такое свойство, что о них ни с кем особенно не посоветуешься: ни с давним, верным другом Адальбергом, ни с еще более верным наперсником и хранителем самых интимных государевых секретов Клейнмихелем и, что самое печальное, даже милой Александрине, жене и императрице, не доверишься. Слишком уж она нежное и возвышенное существо, всегда такой была и осталось, несмотря на то что родила семерых детей. Небесное, небесное создание...

Николай не мог забыть, как Александрина (тогда он никак не мог привыкнуть к этому новому имени и звал ее Шарлоттой, как в те дни, когда они встретились и влюбились друг в друга) лишилась чувств в церкви. Ее унесли, на полу остались лепестки роз из букета, и это произвело сильное впечатление на придворных дам и на самого Николая. Это было первым явным признаком ее первой беременности... так дал знать о себе будущий наследник. Ну как, скажите на милость, можно посоветоваться с этой феей насчет того, что мальчик вырос и ему, пардон, срочно нужен человек, который разъяснил бы, чем, собственно, женщина отличается от мужчины?! Разъяснил и продемонстрировал, так сказать, *par expérience!*¹

В полном и буквальном смысле – *cherchez la femme!*

Надобно сказать, что цесаревич, несмотря на молодые лета (в описываемое время ему не было и двадцати), уже прославился как волокита, хотя и с платонической пока еще окраской. Нарастающая чувственность сына беспокоила Николая Павловича. Беспокоила, но не изумляла. В этом смысле Сашка – всего лишь сын своего отца, которого не зря называли первым кавалером империи (Николай Павлович лихо подкрутил ус), внук своего деда, Павла Петровича, правнук своей прабабки Екатерины Алексеевны и достойный потомок великого Петра. В общем, начал он рано.

Александр вечно поглядывал на хорошеньких фрейлин и придворных дам, многим даже прохождению не давал, но это были короткие, мгновенно вспыхивающие романы. Безопасные пока – поцелуйчик, пожатие руки, вальсок, короткое объятие. Пять лет назад, когда ему было пятна-

¹ На опыте (*фр.*).

дцать, он переполошил родителей, влюбившись во фрейлину Наталью Бороздину, дочь генерала, самую красивую из трех сестер. Она была на четыре года старше цесаревича, но и Петр Первый, и Петр Второй, и их потомки начинали весьма рано, да и внешне Александр выглядел взрослее своих лет. Он казался совершенно влюбленным, а уж как потеряла голову Наташа... В свете говорили только об этом, и записные шалуны тайно держали пари, девица Бороздина или уже нет.

Императрица тогда не на шутку встревожилась и решила посоветоваться с мужем.

Николай знал, что она беспокоится за каждый Сашкин шаг. Ну, первенец, ну, наследник престола, ну, любимчик... а все же было еще что-то. Он знал, что именно. Это было постоянное, неутрачиваемое, ставшее привычным беспокойство за судьбу старшего сына.

Когда он родился, немка Шарлотта изо всех сил стараясь стать русской Александрой Федоровной, приказала спросить славившегося в Москве предсказателя юродивого Федора о том, что ожидает новорожденного.

Федор отвечал:

– Будет могуч, славен и силен, станет одним из величайших государей мира, но все-таки умрет в красных сапогах.

Что означали красные сапоги, даже сам Федор не мог объяснить. И все же они стали причиной многолетних кошмаров Александрины. Наверное, она вспоминала их во всякую минуту, когда решалась судьба сына. Видимо, и сейчас вспомнила.

Николай снисходительно пожал плечами. Честно говоря, он и сам беспокоился не меньше.

– Никс, – сказала Александра Федоровна за чаем, разглядывая салфетку, *broderie d'anglais*², с таким вниманием, словно это было нечто необыкновенное, а не ее собственное рукоделье. – Я боюсь за Сашу. Он может наделать глупостей, а мы узнаем поздно.

– Да, чертова девка крепко за него взялась, – прошептал Николай по-русски, чтобы жена не поняла, а потом перешел на немецкий, на котором обычно говорили в семье: – Эта девица чересчур смела, а Саша... он молод, его манит тайна женского естества...

– Мне бы не хотелось... – пробормотала деликатная Александрина, стыдясь поднять голову, – ты понимаешь, мне бы не хотелось столкнуться с неожиданностью.

– Да уж, – хмыкнул Николай.

В самом деле, чего тут непонятного? Ему тоже не хотелось бы внезапно узнать, что Сашка провел наедине с мадемуазель Бороздиной некоторое время, а потом... начнутся всякие женские фокусы вроде задержек месячных дней, и это может произвести на мальчишку ужасное впечатление. Ну да, он ведь щенок благородных кровей, а значит, сочтет, что должен... обязан. Нет слов, император достаточно властен над сыном, чтобы убедить его отказаться от подобной глупости, а все же не хотелось бы, чтобы дело зашло далеко. Ни к чему, чтобы Сашка с младых ногтей тащил за собой хвост сплетен и слухов.

Самое простое – под приличным предлогом удалить от двора мадемуазель Бороздину. Однако это станет жестоким оскорблением старому генералу, которого Николай очень уважал. Нет, пока ничего страшного не произошло, никаких поспешных шагов делать не надо. А вот для того, чтобы этого страшного не произошло, необходимо следить за каждым шагом сына и Бороздиной. Кажется, Александрина намекает именно на это.

– Ну и кому мы могли бы это поручить? – задумчиво произнес Николай Павлович. – Какой-нибудь фрейлине?

– Ах нет, Никс, – в смятении взглянула на него Александрина. – Вот этого никак нельзя! Они все влюблены в великого князя, к тому же очень молоденькие и глупенькие. Боюсь, они

² Английская вышивка (фр.).

перессорятся между собой... и наш фрейлинский цветник превратится в ужасный серпентарий. Тут необходим человек взрослый, солидный!

– А что ты скажешь о княгине Ливен?

Александрина оторвалась от созерцания кружевной салфетки, вскинула на мужа глаза и просияла улыбкой:

– Конечно! Конечно, это тот человек, который нам нужен!

Глава 2

Шпионка всегда шпионка

В ту минуту казалось, что личность на роль шпионки за принцем подобрана просто идеальная. Княгиня Ливен Дарья Христофоровна была сестрой Александра Бенкендорфа, верного друга и конфидента царей Александра и Николая, а также женой Христофора фон Ливена, бывшего посла России в Лондоне, а главное, сына поразительной женщины, Шарлотты фон Ливен, некогда воспитывавшей великих князей Александра, Николая, Константина и Михаила, сыновей императора Павла. Она была для них воистину второй матерью, и на ее невестку, младшую княгиню, Николай смотрел именно как на наследницу великолепной педагогической методы, безупречных манер, выдержанности и деликатности, которые были свойственны Шарлотте Карловне.

Княгиня Дарья чувствовала врожденное призвание к изящнейшему и авантюрному занятию – шпионажу. Вообще-то, в обязанности посланника, самого Христофора фон Ливена, входило как можно чаще посылать зашифрованные донесения обо всем, что кажется ему заслуживающим внимания. Однако Христофор Андреевич считал ниже своего достоинства запоминать что-либо, кроме вполне официальных заявлений, прислушиваться к неофициальным разговорам, вернее, разговорчикам, улавливать подводные течения, собирать сплетни («Фи, бабье занятие!»). Его донесения грешили сухостью и малым количеством любопытных сведений. А жена чувствовала себя в этом закулисном мире как рыба в воде. Кроме того, она отнюдь не страдала от переизбытка нравственности, поскольку не являлась родной дочерью Шарлотты Карловны.

Обворожительная Дороти находилась в курсе всех политических новостей и смутных слухов, настроений лиц, стоявших во главе правления, обращала внимание на ничтожные факты, беглые фразы, намеки, делала заключения и сообщала о них мужу.

Кроме того, Дарья Христофоровна обладала феноменальной памятью в отличие от своего брата Александра Бенкендорфа, который был столь же феноменально забывчив. О его рассеянности даже ходили анекдоты: он забывал свою фамилию и не мог ее вспомнить без визитной карточки. Впрочем, сие не помешало ему прославиться. Во время Отечественной войны 1812 года с отрядом из восьмидесяти казаков он пробрался по французским тылам от Тарутина к Полоцку, пересек всю Белоруссию, захваченную неприятелем, прибыл в ставку генерала Витгенштейна и установил благодаря этому связь главной армии и корпуса, который прикрывал направление на Петербург. Недоброжелатели императора Николая считали Бенкендорфа душителем свободной мысли. Он был душителем, между прочим, сторонником освобождения крестьян и в отчете возглавляемого им ведомства (он являлся шефом жандармов) писал о том, что крепостное состояние есть «пороховой погреб под государством», тем более опасный, что войско «составлено из крестьян же».

Но сейчас речь не об Александре Христофоровиче, а о его сестре.

Посол фон Ливен получил в лице милой Дашеньки информатора, стоившего нескольких десятков лазутчиков! Сначала он более или менее успешно перелагал на бумагу сведения, которые приносила ему в клювике жена, потом предложил ей самой сочинять депеши посольства.

Первый опыт оказался настолько удачным, что фон Ливен окончательно предоставил жене составление депеш, поскольку это не представляло для нее никакого труда. Знание дипломатических дел, знакомство со всякого рода кабинетными тайнами далось ей без усилий, благодаря окружавшему ее обществу, постоянным толкам и разговорам о политике, а составление посольских депеш довершило образование как дипломата. Красотка Дороти, пользуясь популярностью в английском обществе, теперь сама возбуждала нужные ей политические

разговоры, высказывала взгляды, которые считала совместимыми с политическим достоинством России, и, вызывая собеседников на откровенность, получала ответы на занимавшие ее вопросы. Она превосходила мужа в знании людей, была одарена умом быстрым, деловитым и проницательным и незаметно встала во главе русского посольства при сент-джеймском дворе и фактически правила его делами. Злоехидцы сплетничали об этом в России: княгиня фон Ливен при муже исполняла должность посла и советника посольства и сочиняла депеши. Злоехидство тут совершенно неуместно: все так и было – исполняла и сочиняла. И делала настолько хорошо, что вместо прежних кратких реляций в Россию шли теперь подробные, богатые фактами послания, которые обратили на себя внимание министра иностранных дел Нессельроде.

Авторство депеш скоро обнаружилось, тем паче что сам фон Ливен не делал секрета из помощи жены, гордясь и ее талантами, и тем видным общественным положением, которое она занимала в Англии. Нессельроде вступил с Дарьей Христофоровной в частную переписку, обсуждая вопросы, имевшие касательство к европейской политике. Да и император оказывал графине милостивое внимание и письменно и устно (во время ее приездов в Петербург), много беседовал с нею о европейских делах и своих планах, а перед отъездом в Лондон давал особые инструкции.

Фон Ливены весьма успешно продолжали бы свою деятельность в Лондоне, если бы не случился один неприятный казус. В Польше вспыхнуло восстание, а Англия принялась выражать открытое сочувствие мятежникам и порицать Россию и не угомонилась, даже когда 26 августа 1831 года Варшаву снова взяли русские войска.

Дороти была вне себя от возмущения позицией сент-джеймского кабинета и не делала из этого тайны. Слух о ее нелояльных речах дошел до лорда Пальмерстона, министра иностранных дел, весьма враждебно настроенного к России вообще и к Дарье Христофоровне в частности. Он ей категорически не доверял!

И правильно делал.

– Нужно следовать именно тому, чего не говорит княгиня Ливен, и делать то, что она не думает предлагать, – весьма разумно поучал он своих коллег, которые давно и прочно поддались очарованию жены русского посла. – Мне хорошо известно, какую «пользу» принесла она моим друзьям своими советами, чтобы когда-нибудь воспользоваться ими!

В 1832 году Пальмерстон вздумал отозвать из Петербурга прежнего английского посла Гейнсбери и назначить на его места Стратфорда Каннинга. Это был лютей русофоб, он горячо симпатизировал туркам и полякам. Назначение его в Петербург было рассчитанным оскорблением русскому императору. Княгиня Ливен спрашивала себя: не отношение ли Пальмерстона к ней спровоцировало ту дипломатическую оплеуху, которую получает Россия?

Она встревожилась не на шутку... Впрочем, император Николай Павлович был не тот человек, который позволит какому-то островному государству наносить себе оскорбления. Он отказался принять у Стратфорда верительные грамоты.

Дарья Христофоровна пришла в восторг, решив, что Пальмерстон поставлен на место. Ничуть не бывало! Он по-прежнему настаивал на кандидатуре Стратфорда. Нашла коса на камень: Николай взял да и отозвал из Лондона русского посла Ливена.

Христофору Андреевичу уготовили почетную должность сделаться воспитателем наследника престола цесаревича Александра Николаевича. Князь Ливен был в восторге. Но его жена... Дарья Христофоровна была убита необходимостью покинуть милую Англию. Об этом свидетельствует ее письмо старинному другу, поклоннику и бывшему любовнику лорду Чарльзу Грею, написанное 6 августа 1834 года уже из Петербурга:

«Пожалейте меня, мой дорогой лорд, я стою сожаления... Не знаю, как буду существовать вдали от горячо любимой мною Англии, вдали от всех вас! Перед глазами моими поднесенный мне браслет (герцогиня Сузерленд поднесла Дороти великолепный бриллиантовый браслет от имени лондонских дам, ее подруг, на память о них и в знак печали об ее отъезде) –

величайшая честь, какая только могла быть оказана мне; как я гордилась этим, как была счастлива в тот момент и как печальна! По приезде в Петербург мне пришлось провести два дня в Царском Селе. Прием был самый дружеский; государь вполне понимает мои сожаления об Англии, я же могу предаваться своим печальным чувствам».

Но в других письмах Дарья Христофоровна резко сменила тон, осыпая похвалами молодого цесаревича Александра Николаевича, добавляла, что «будет любить его, как родного сына», что «не может быть лучше должности и занятий более интересных, чем воспитание наследника престола».

Николай Павлович был осведомлен о том, что материнские чувства Дарьи Христофоровны к наследнику помогли ей смириться с изгнанием. Значит, она охотно последит за его интимным поведением, вернее, за интимным поведением фрейлин. С этой минуты княгиню Дарью назначили статс-дамой и старшей над фрейлинами.

Через несколько дней Дарья Христофоровна намекнула императору, что должна перекинуться с ним словцом наедине.

– Ваше Величество, мне кажется, что эта окаянная девица при первом же удобном случае откроет ворота крепости и просто силком затащит туда принца, – без предисловий начала она, по английской манере называя наследника принцем.

Говорила княгиня Дарья с такой горячностью, что Николай Павлович оторопел. Право, даже родная мать Сашки, Александра Федоровна, относилась к этой истории спокойнее. О, эти верные подданные старой закалки, думал император, как трогательно, что они всякое дело, случившееся в царской семье, принимают столь же близко к сердцу, как собственные обстоятельства, и даже ближе.

– При этом, – продолжила Дарья Христофоровна, – Бороздина ведет разговоры о том, что хочет отдать свое девичество лишь тому человеку, с кем пойдет под венец...

– Великий Боже... – пробормотал Николай Павлович, и у него волосы на голове зашевелились от ужаса.

Он предчувствовал в сыне нрав, не слишком-то отличающийся от собственного. И хотя у него и в мыслях никогда не было жениться на какой-нибудь фрейлинке, Александр, при всей его бесспорной мужественности, слишком уж чувствителен, весь в мать. Как бы не дошло дело до тайного венчания с Наташей Бороздиной!

– Осмелюсь предложить вам радикальный выход из положения, – сверкая серыми глазами, – произнесла княгиня Дарья.

Император, первый кавалер империи, вдруг подумал, что она очень красивая женщина, несмотря на свои... сколько ей там? Ну, около сорока. А выглядит лет на пятнадцать моложе, просто светится вся, и, что характерно, необычайно посвежела и похорошела, когда начала служить при дворе. И снова мысль о необычайной преданности старшего поколения слуг своим государям согрела его сердце. Ох, если бы он знал истоки этой редкостной преданности Дарьи Христофоровны своим государям, выгнал бы ее из дворца незамедлительно... Однако ни о чем он так и не узнал до самой смерти.

– Радикальный? – повторил Николай Павлович. – Какой же именно?

– В Кабинете иностранных дел служит некий господин Гаврила Павлович Каменский, он давно вздыхает по Наташе Бороздиной, но без всякой взаимности. У него нет совершенно никакого роста по службе, у Натальи голова занята цесаревичем, она бедна, бесприданница, а значит, родные Каменского и слышать о ней не хотят и никогда не станут свататься. Вот если бы удалось примирить эти два обстоятельства – бедность Натальи и неудачливость Каменского по службе... Вы понимаете, государь?

– Чего ж тут не понять! – хмыкнул Николай Павлович и жарко расцеловал княгиню Ливен.

На следующий день Гаврила Павлович, получивший новый чин и назначенный к новому месту службы – да не куда-нибудь, а в Лондон, – посватался к фрейлине Бороздиной и получил благосклонный кивок императрицы Александры Федоровны, в присутствии которой происходило сватовство. Теперь уж Наташе делать было нечего. Она покорно опустила голову в знак согласия, но краем глаза уловила злорадную усмешку статс-дамы фон Ливен.

Впрочем, Наташа решила, будто ей почудилось. С чего вдруг Дарье Христофоровне против нее злобствовать? Наташа никакой слежки за собой не заметила.

Девушка Бороздина получила фантастическое приданое в качестве отступного, сыграли спешно пышную свадьбу, и молодые отбыли в Лондон к новому месту службы Каменского.

Глава 3

Шпионка уходит в отставку

Император Николай Павлович похвалил себя за предусмотрительность и еще раз мысленно возблагодарил княгиню Дарью. Однако, кажется, только он да императрица испытывали к ней глубокую признательность. Наследник же престола, этот самый принц, внезапно и резко повзрослевший, поугрюмевший и затаившийся, откровенно сторонился княгини Ливен, и заметно было, что он с трудом сдерживает неприязнь и страх.

«Эх, – подумал Николай с досадой, – видимо, Дарья Христофоровна обделала дельце сие без необходимой тонкости. Слежка ее оказалась замечена Сашкою. Ну что ж, утратила наша интриганка былую хватку».

Положение складывалось неловкое. Княгиня Ливен сослужила немалую службу трону и вообще России. Ее бы почествовать, а как тут почествуешь, коли Сашка в ее сторону ну сущим волком смотрит?!

Однако нельзя позволить, чтобы отношения отца и сына, государя и наследника осложнились из-за чрезмерной ретивости какой-то *l'espion*!³ Сама виновата княгиня Дарья, коли была примечена и уличена. Что с того, что она трудилась во благо государства? Благими намерениями известно, куда тропа вымощена! Следовало попросить ее съездить куда-нибудь... хм, хм... на воды. Но как можно обидеть Христофора Андреевича, ее мужа, который ни в каких интригах не замешан?

Той же весной в течение месяца умерли один за другим два младших сына Дарьи Христофоровны.

Ею овладело безумное отчаяние, она винила за несправедливость судьбу ненавистный Петербург, где снег и лед проникают до мозга костей. И тогда Дарья Христофоровна, похоронив детей в родовом имении фон Ливенов, в Мезотене, приняла решение покинуть Россию и полечиться на курортах Европы. Император дал согласие. Князь фон Ливен остался на своей должности, он не мог сопровождать жену, да она и не настаивала. Неловкая ситуация разрешилась.

Однако сын продолжал беспокоить Николая Павловича. Он ведь был мужчина и понимал, что всю жизнь держать юношу в неведении того, чем, собственно, женщина отличается от мужчины, нельзя. Нужна какая-то милая девица, которая могла бы развлечь цесаревича. Красивая, из хорошей, но не слишком богатой семьи, сознающая, какую огромную милость ей оказали, взяв во дворец.

А у цесаревича вспыхнул новый роман. В Александра без памяти влюбилась Софья Давыдова, состоявшая в родстве со многими именитыми фамилиями России, но очень скромная. Она обожала цесаревича так, как древние красавицы боготворили олимпийцев. Александр взирал на это внезапно вспыхнувшее чувство с оторопью. Софья ему не очень нравилась: он просто снисходительно позволял любить себя.

«Это не то», – приглядевшись к восторженной обожательнице, решил Николай Павлович. Слишком уж возвышенные чувства. Толку с нее в постели не будет. Она не утолит голода наследника.

Император внимательно посматривал в сторону огромного, роскошного цветника фрейлин и вскоре заметил, что его дочь Мэри очень дружна с Мари Трубецкой, а Александр с явным удовольствием проводит время в их компании. Николай усмехнулся. Правда, когда он начал кое-что узнавать о Мари, дошли слухи, будто она вздыхает по князю Барятинскому, который в

³ Шпионка (*фр.*).

это время отличался доблестью на Кавказе. Однако император достаточно долго жил на свете, чтобы понимать: герой далеко, а наследник трона близко, и, кого выберет тщеславная красавица, ясно.

Именно об этом и размышлял государь император, когда шел по набережной Невы, делая вид, будто не замечает ветра, бьющего в лицо.

Глава 4

Залог будущего

– Коля тонет! Смотрите! Колька Муравьев тонет!

Соня отмахнулась. Вася, брат ее, вечно шутил, да так глупо! То залезет на дерево и орет, что боится спуститься. Сидит на суку и заливается слезами. Приходится бежать в дом за работниками: мол, Василия Львовича (отец велел для людей называть друг друга только по имени-отчеству) надобно снять с дерева. Те переглянутся, пожмут плечами, а что делать? Не станешь же детишкам вице-губернатора перечить! Себе дороже. Отец-то, Лев Николаевич, крут нравом. Да и вообще... нынче они еще маленькие баричи, но все же господа.

Придут работники, принесут лестницу, а Васьки на дереве нету. Работники, конечно, косо на Соню поглядывают – обманщица, мол, – а ей стыдно за брата, который опять всех в дураках оставил, а сам легко спустился с дерева – он же ловкий, как обезьяна! – и сидит где-нибудь в кустах, хихикает.

Но больше она ему не верила. Какой бы крик ни поднимал. Колька Муравьев тонет, ну надо же! Глупости. Вранье. Соня и головы не повернула. И вдруг раздался насмерть перепуганный голос Маши, сестры:

– Ой, правда! Тонет Колечка! Спасите! Гертруда Людвиговна, скорее спасите его!

Соня обернулась. Неужели правда? Машенька врать не станет.

Дом и сад вице-губернатора Перовского высокий, но щелястый забор отделяет от другого сада. Лишь только Перовские переехали из Петербурга в Псков – все строения сплошь деревянные, мостки на поросших травой улицах тоже деревянные, а поселили их в большом доме с мезонином, – и работники под присмотром матери начали разгружать телеги с вещами, как Соня, Вася и Маша побежали в чудесный сад. Они играли около забора и слышали, что по ту сторону кто-то возится. Прильнули к щелям и отпрянули: на них смотрел какой-то курносый мальчишка, а по тропинке среди крапивы осторожно шла высокая дама в пенсне и с наставительным, учительским выражением бурчала:

– Никлас! Ах, майне либер готт, Никлас! Это неприлично! Подглядывать – неприлично!

– Вы кто? – не обращая на нее внимания, спросил мальчишка.

– Мы – Перовские, – важно ответила Соня. – А ты кто?

– А я – Муравьев! – произнес мальчишка еще более важно.

– Подумаешь, муравей, – усмехнулся Васька.

– Подумаешь, перья, – засмеялся мальчишка. – Знаю я, кто вы такие. Ваш отец вице-губернатор, да? Вы сегодня приехали?

– А ты почему знаешь? – удивился Вася. – Ты за нами следил? А может, ты крамольник? Я крамольников ненавижу, они против государей злоумышляют, они все франкмасоны и нигилисты! Так папа говорит.

– Нет, я Коля. Не крамольник никакой, а Коля Муравьев. Мой папа – губернатор.

– Как губернатор? – изумился Вася Перовский.

– Да так, – пожал плечами Коля. – Очень просто. Твой отец – вице-губернатор, а мой – губернатор. Понял? А крамольников я тоже ненавижу, еще и побольше твоего. Вот как вырасту, как стану прокурором, так всех их в тюрьмы отправлю!

– Ну, ты еще когда вырастешь! – пренебрежительно сказала Соня, которую очень раздосадовало, что этот курносый мальчишка – сын губернатора. Они – вице, а он – настоящего! – Сейчас-то ты маленький!

– Да уж побольше твоего буду. – Ну что мы через забор болтаем? Идите вон туда, там калитка. Приходите ко мне играть. У нас есть пруд, а на пруду – ого! Идите, покажу, что там такое.

– Ах, Никлас, – вздохнула худая женщина в пенсне. – Опять этот ужасный пруд!

– Ничего, Гертруда Людвиговна, папа разрешил, – сказал Коля Муравьев и объяснил детям: – Это моя бонна, она немка, она только с виду сушеная, а так ничего, хорошая!

С тех пор дети были почти неразлучны. В губернаторском саду и в самом деле находился большой пруд, а на пруду – паром. Гертруда Людвиговна воды боялась как огня, а потому предпочитала сидеть в плетеном креслице на берегу, укрываясь от солнца зонтиком. А дети не сходили с парома. Они перебирались с одного конца пруда на другой, воображая самые невероятные приключения: и шторм, и пиратов, и нападение подводных хищников, и морской бой.

Но однажды девочки поссорились с мальчиками и остались сидеть на берегу, а те отправились в очередное кругосветное путешествие на пароме. А Соня с Машей даже отвернулись – так обиделись.

И вдруг...

– Коля тонет! Смотрите! Колька Муравьев тонет!

Конечно, Вася врет по своему обыкновению. Соня даже не обернулась.

Но вдруг Гертруда Людвиговна, дремавшая над своим вышиванием, стала плакать, кричать, рвать на себе волосы. Соня обернулась. Коля бултыхался в воде почти у самого борта, но не мог дотянуться до него рукой. И его словно тащило что-то под воду, он погружался все глубже и глубже.

– Весло! – воскликнула Соня. – Протяни ему весло!

Весла были на пароме на тот случай, если что-нибудь случится с веревками.

Услышав сестру, Вася перестал бестолково вопить, схватил весло и протянул Коле. Тот ухватился обеими руками.

– Держись крепче! – закричала Соня. – Маша, Гертруда Людвиговна, идемте скорее!

Она побежала к колесу, через который проходила веревка – благодаря ей паром передвигался между берегами, – и принялась крутить его. Подбежали сестра и бонна, стали помогать... Паром сдвинулся к берегу, а за ним медленно потащился, держась за весло, и Коля. Кое-как он выбрался на песок.

– Вы меня спасли... – бормотал он. – Вы меня спасли, я чуть не утонул...

– Это Соня! – радостно кричала Маша. – Это она придумала опустить весло!

Вася молчал. Ему было стыдно, что до такой простой вещи он не додумался. А они-то с Колькой чуть что – «девчонки дуры, девчонки дуры!» Вот так дуры, небось, умнее мальчишек оказались!

– Ах, Никлас, – всхлипывала Гертруда Людвиговна, – но что случилось? Почему вы неплыли, когда упали в воду? Вы же хорошо плаваете!

– У меня ноги зацепились за что-то, никак не мог с места сдвинуться, – тяжело дыша, объяснил Коля. – Даже когда паром тронулся, меня еще держало на месте, я уж хотел крикнуть, чтобы вы остановились, но отцепился.

– Что же это могло быть? – испуганно спросила Маша. – Подводное чудище?

– Да какое там чудище! – усмехнулся Коля. – За какой-то крюк зацепился. Раньше дно тут было сильно замусорено, отец приказал прочистить его, да, видимо, плохо прочистили. Надо бы найти да наказать того раззяву-работника. Плетями бы пороть!

– Какой ты злой, Колька, – еле выговорила Соня дрожащими губами. – Знала бы я, какой ты злой, так не стала бы тебя спасать!

– Дура ты, Сонька! – Хоть и спасла меня, а все равно дура! Я чуть не погиб. А если бы пруд хорошо прочистили, ничего бы не случилось.

– Никлас, вам надо переодеться! – спохватилась Гертруда Людвиговна. – Вы простудитесь, промокли насквозь!

День был жаркий. Сколько раз ребята промокали во время своих плаваний до нитки, но никто никогда не спешил переодеться. Однако сейчас Коля ушел, будто больше не хотел видеть друзей. А ведь они его только что спасли!

Глава 5

Дама найдена!

Они выросли вместе – Мари Трубецкая и Леонилла Бярятинская. Говорят, две красавицы и два крючкотвора дружить не станут. Ну, про крючкотворов ничего доподлинно неизвестно, однако эти две прелестные барышни относились друг к другу с удивительной нежностью и бережностью. Они были слишком разные, чтобы завидовать друг другу, и, хоть юные девы пересчитывают своих поклонников с той же тщательностью, как правоверные четки перебирают, Мари спокойно отступала в сторону, предоставляя Леонилле, с ее соболиными бровями и черными волосами, первенствовать в сердцах сначала мальчиков, а потом и юношей. Нет, Мари не была такая добренькая, просто ей никто из них не был нужен, кроме брата Леониллы – Александра Бярятинского. Лишь бы он смотрел на нее благосклонно... лишь бы хоть как-нибудь смотрел! Каждый его поступок, даже осуждаемый другими, она встречала с восхищением. Но добиться от него благосклонного взгляда было не так-то легко, причем не только Мари Трубецкой.

Отец его, страстный англоман и педант, составил для сына особенное расписание воспитания, а в завещании сделал его главой семьи. И с шестнадцати лет Александр перестал кого бы то ни было слушаться, в том числе и маменьки, которую любил и почитал. Но отнюдь не ставил выше себя! Он считал себя действительным главою, и рано и искусственно развитая фамильная гордость навсегда наложила отпечаток на отношения молодого князя с друзьями и родственниками. Нет, он не задирает вроде бы носа, был со всеми вежлив, прост и любезен, но не терпел фамильярности и развязности, даже обычной материнской снисходительности в обращении с собой, и, даря кого-то вниманием, никогда не переступал в обращении с ним ему одной известной черты. Александр был уверен, что ему все дозволено, он лучше других знает, как жить, каким надо быть. Лишь только ему исполнилось шестнадцать, и мать, давшая сыну прекрасное домашнее образование, собралась определить его в университет, Александр категорически отказался от жизни статской и объявил, что желает посвятить себя военной службе.

Когда Мари узнала об этом от заплаканной Леониллы, которая чуть не заболела от учинившихся в их спокойном доме скандалов (Александр и его матушка схватились не на шутку!), она пришла в восторг. Теперь ей казалось, что именно так должен поступать настоящий мужчина! Братья ее, Сергей и Александр, пока еще колебались в выборе – она начала презирать их за это. И подстерегала шестнадцатилетнего князя Бярятинского где только могла, чтобы пролепетать что-нибудь восхищенное или хотя бы взглянуть восторженно. Он едва ли замечал двенадцатилетнюю барышню и был занят своими делами.

Странные существа женщины! Мари всем сердцем желала Александру удачи. Однако стоило ей узнать, что его намерения поддерживает императрица Александра Федоровна, как она почувствовала себя очень несчастной. Так она впервые узнала, что такое ревность... Ревность станет позднее ее постоянной спутницей на всю жизнь. Ревность, тем более злая, что Бярятинскому на нее будет совершенно наплевать, даже если бы он о ней знал. И вообще, он забывал о существовании Мари в ту же минуту, как она исчезала с его глаз.

Императрица, хоть и прославилась своей супружеской верностью, все же весьма благоволила к красивым юношам, особенно офицерам. А Александр Бярятинский был невероятно красив! Высокий, с великолепным станом (плечи широкие, талия тонкая), с прекрасными голубыми глазами и вьющимися белокурыми волосами. Неудивительно, что императрица предложила зачислить его в кавалергардский полк, шефом которого состояла она лично, и вот в августе 1831 года Бярятинский поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Мари вздохнула с облегчением. Она ощущала себя женщиной и жаждала для любимого суровой военной узды, которая должна держать его подальше от всех других женщин. И при этом она была сущее дитя, если верила, что подобную узду вообще можно на мужчину наложить.

Александр Бярятинский немедленно сделался завсегдаем балов и веселых компаний, о его романтических приключениях заговорили, вернее, зашептались в светских гостиных. Мари стала мрачнее тучи.

Неуспехи в науках Бярятинского оказались таковы, что он не сумел выйти из школы по первому разряду и быть зачисленным в кавалергардский полк, а вынужден был поступить корнетом в гатчинский кирасирский полк. Но сердце его было с кавалергардами, там он проводил свободное время, участвовал во всех шалостях своих друзей, в их компании волочился за дамами полусвета и был, так сказать, бо€льшим кавалергардом, чем они сами. Особенно в амурных забавах!

«Выброшу его из сердца!» – произнесла Мари фразу, вычитанную в каком-то маменькином любимом романе. Софья Андреевна Трубецкая была необычайно весела, обладала превосходным здоровьем (и передала его одиннадцати своим детям), за яркую красоту заслужила прозвище Прекрасной Розы, обожала танцевать на балах и читать чувствительные книжки. Героини ее любимых романов умели быть гордыми с недостойными мужчинами, которые немедля начинали страдать и падали к их ногам. А некоторые и вовсе кончали жизни самоубийством!

Александр Бярятинский жизнь самоубийством не кончил, к ногам Мари не упал и особенно не страдал. Однако грусть ее заметил. Именно не равнодушие, а грусть.

– Такие чудесные глаза должны смеяться! – воскликнул он однажды, увидев грустную Мари на балконе. – А губки должны улыбаться.

Мари смотрела на него без улыбки, наоборот: глаза ее вдруг заволокло слезами. И тут впервые до Бярятинского начало что-то доходить.

Нет, не может быть, она еще совсем девчонка...

Мари было четырнадцать, но выглядела она старше: высокая, с дивной фигурой, роскошными волосами, яркими глазами.

«Ого!» – подумал Бярятинский.

– А ну, улыбайся! – не то сердито, не то шутливо приказал он. – А то...

– А то что? – прошептала Мари.

– А то поцелую! – пригрозил он сурово.

Из ее глаз немедленно выкатились две огромные слезы. И ему ничего не оставалось, как прикоснуться к ее щеке. Александр собирался поцеловать Мари как ребенка. Но она как-то так повернулась, встала, подняла к нему лицо... В следующую минуту они уже самозабвенно целовались... Та дама, с которой у него недавно началась интрижка и которая уже позволила ему довольно много, не целовалась так сладостно, как эта девочка...

– Я вас люблю, – прошелестели губы Мари между поцелуями.

Удивительно, что Александр Бярятинский, прочно усвоивший от своих более искушенных друзей-кавалергардов основное правило мужчины: не верить женщинам! – ей поверил.

На балкон ворвалась Леонилла. Они едва успели отпрянуть друг от друга, и поскольку Мари была вся в слезах, Леонилла решила, что гадкий Сашка ее чем-то обидел. А это были, как пишут в чувствительных романах, обожаемых Софьей Андреевной Трубецкой, слезы счастья.

Конечно, больше никаких слов сказано не было, однако Мари не нуждалась в словах. Она знала теперь, что рано или поздно Александр сделает ей предложение. С ним тоже что-то приключилось. Если он и волочился за красотками, то, во всяком случае, не афишировал это на всех углах, как раньше, а скрывал. Но шалить с друзьями над неугодными офицерами не перестал и навлек на себя гнев государя императора Николая Павловича. Пришлось задум-

мываться над тем, как поправить пошатнувшуюся репутацию. Размышлял Александр недолго. Он смутно чувствовал, что баловство и озорство позволяет себе лишь потому, что нечем более заняться, а коли так, не лучше ли озоровать и баловать на поле сражения?

Он вызвался поехать на Кавказ, чтобы принять участие в военных действиях против горцев. Это решение чуть не свело с ума его родных, опечалило знакомых и едва не лишало рассудка Мари. Впрочем, рыдала половина петербургских и окрестных барышень и дам. Князя Александра молили не рисковать собой, да тщетно: он что решил, то и должно было осуществиться.

– Передайте государю, – просил Барятинский, – что если я умею делать шалости, то умею и служить.

И вот вскоре он был, по высочайшему повелению, командирован в войска Кавказского корпуса на все время предстоявших в том году военных действий.

Мари ждала: он что-нибудь скажет на прощание в память о поцелуе, который потряс ее на всю жизнь. Ничуть не бывало. Барятинский думать об этом забыл, слишком много настоящих мужских забот на него навалилось, к тому же не хотел брать на себя обязательства, которые не мог исполнить, не желал связывать ни себя, ни девочку, у которой впереди столько соблазнов.

Как в воду глядел! Соблазны окружили Мари буквально через несколько дней после его отъезда.

Сначала она была так невыносимо грустна, так откровенно чахла, что ее брат Александр не выдержал. Необыкновенный красавец-брюнет, ласковый с женщинами и любимый ими очень нравился императрице Александре Федоровне. Государь Николай Павлович ее очень любил и ревновал, хотя к чему ревновать-то было эту вернейшую из жен? Но ревновал – к танцам. Императрица обожала балы, особенно маскарады, которые устраивались в доме барона Энгельгарда, ни одного старалась не пропускать. Танцевала она необычайно грациозно и красиво. Даже Пушкин назвал ее «звезда-харита среди харит». Николай сам утверждал список кавалеров, которые удостоятся чести танцевать с его женой, и в этом списке одна фамилия чаще чем раз в полгода не повторялась. Однако никто не мешал императрице смотреть по сторонам, и в сторону Александра Трубецкого она поглядывала часто. А в переписке со своей подругой Софьей Бобринской и в дневниках императрица называла его очень нежно и таинственно – Бархат.

Бархату она не могла отказать ни в чем, чего бы он ни попросил. Правда, попросил он немного: всего лишь предоставить его красивой и грустной сестре место фрейлины при дворе.

Для начала ее посмотрели на балу, и в дневнике императрицы появилась запись: «На балу Пушкина (Натали) казалась волшебницей в белом с черным платье. Молодая Барятинская (Леонила) и Мария Трубецкая привлекали своими фигурами, стройными и гибкими». Александра Федоровна с удовольствием заметила, что у Прекрасной Розы Софии Трубецкой дочь если пока не роза, то скоро расцветет. И еще одно прелестное личико не помешает во дворце. К тому же она любила благоденствия. Трубецкие на грани полного разорения, так пусть хотя бы Мари переедет во дворец и получает немалое фрейлинское жалованье. А если она соберется замуж, то ей обещано приданое в двенадцать тысяч рублей. Есть невесты и побогаче, но красивее найти трудно!

Вскоре к этим резонам в пользу Мари прибавился еще один: ревнивый Николай Павлович отправил слишком привлекательного Бархата за границу с дипломатической миссией. А Мари исполнилось шестнадцать лет, она перебралась во дворец и поступила в свиту старшей дочери Николая – великой княжны Марии, которую чаще называли Мэри. Девушки были ровесницы и необыкновенно подружились. Мэри была прелестна, как цветок, и с удовольствием видела рядом очаровательные лица. С братом Александром она однажды спорила, кто из ее фрейлин первая красавица.

– Конечно Трубецкая! – не задумываясь ответил великий князь Александр Николаевич. – Впрочем, я ее мало знаю. Надо почаще бывать в твоих апартаментах, рассмотреть ее получше, познакомиться поближе.

Мэри сделала большие глаза и засмеялась, предвкушая... приключение. Может, даже любовное приключение...

Глава 6

Еще одна интриганка

Именно на Мари Трубецкой остановил выбор император Николай и не замедлил сообщить об этом жене. И снова, как в прошлый раз, с Наташей Бороздиной, она в замешательстве устала на салфетку и пробормотала, что хотела бы быть в курсе происходящих событий.

Муж кивнул. Он тоже не любил пускать все на самотек. Ах, ну как тут не помянешь добрым словом незабвенную княгиню Дарью! Увы, она окончательно рассталась с Россией и жила теперь в Париже. Император пытался вернуть ее своим приказом. Она отказалась повиноваться. Николай разозлился. Она что, посмела обидеться? Он прибегнул к помощи князя фон Ливена. Однако княгиня Дарья не подчинилась супругу еще с большей легкостью, чем императору. Христофор Андреевич страшно разгневался, но ни в гневе супруга, ни в гнев венценосца не было толку. Им обоим остались неведомы – и останутся навсегда! – истинные причины ее упрямства и нежелания возвращаться в Россию...

Итак, на Дарью Христофоровну надежды не было никакой, и он вновь вспомнил об этом сейчас с обидой.

– А есть ли кто-нибудь, какая-нибудь девушка, которой можно доверять? – спросил он, глядя на жену.

Александрина кивнула:

– Есть. Ее зовут Варенька Шебеко. Подружки называют ее Вава. Она очень мила, но весьма невзрачна, а потому с охотой станет...

Александрина замолчала и взялась за кофейник, однако Николай прекрасно понял, что хотела сказать жена. Дурнушка-фрейлина охотно станет шпионить за своей хорошенькой подругой и дважды с охотой вставит ей палки в колеса, причем наилучшей маскировкой ее завистливым козням станет прямой приказ императора и забота о государственных интересах.

Он попросил Александрину показать ему эту Ваву – ну что за имя?! Николай терпеть не мог уменьшительные имена, сложенный на младенческий манер: Вава, Диди, Кики, Мими, Люлю, Зизи... За шестнадцать лет супружеской жизни между ним и женой вспыхнула единственная ссора. Случилось это, когда Александрина попыталась назвать его Коко. Кое-как он согласился именоваться Ники, но предпочитал, когда его называли Никс⁴. В этом имени была хоть какая-то решительность, пусть даже это была решительность отрицания!

Так вот, Вава.

Вава Шебеко оказалась и впрямь неприглядна, зато обладала пылкими, умными, выразительными глазами, которые вспыхнули, когда она услышала о поручении императора.

Император сразу смекнул, что девушка была такой же прирожденной интриганкой, как Дарья Христофоровна.

– Только вот что, дитя мое, – ласково сказал он, – постарайтесь, чтобы действия ваши заинтересованными персонами замечены не были. Если вы восстанавите против себя великого князя, я вынужден буду удалить вас от двора, а этого вам вряд ли хочется.

Конечно, Ваве этого не хотелось. И она поклялась, что все выполнит с охотой, но останется совершенно незаметной.

Император порадовался, что нашел новую шпионку, потому что сын с Мари Трубецкой глаз не сводил. Слава Богу, больше о Наташе Бороздиной даже не вспоминал!

⁴ Nixs произносится так же, как nix – ничто (нем.).

Глава 7

Фаворитка приступает к своим обязанностям

У Мари закружилась голова, когда она обнаружила, что наследник осаждаёт её. Он казался совершенно влюбленным. Ох, какой елей пролило это ухаживание на её сердечную рану! Барятинский не подавал о себе никаких вестей. Бросил, забыл, поменял на какую-нибудь черкешенку... Мари была невыносимо, безумно самолюбива, и хотя Барятинский ей никогда ничего не обещал, она считала его изменником. И все же, отчаянно флиртуя с цесаревичем и понимая, чего он хочет, она пока не могла решиться. Распаляла его, распалялась сама, но что-то её все же сдерживало. Ждала какого-то знака от судьбы.

И вдруг до Петербурга дошли слухи о гибели Барятинского.

Узнав об этом, Мари лишилась чувств. Весь день она проплакала и оставалась в своей комнате. Потом вышла, но была так грустна, что с нею даже Мэри опасалась болтать, а Александр посматривал издали и чувствовал, что теряет терпение.

Николай Павлович наблюдал за «щенками» и наслаждался. Ужасно хотелось с кем-нибудь заключить пари, что уже послезавтра ухаживания сына увенчаются успехом! Но не хотелось прослыть бо€льшим циником, чем он уже и так слыл. Поэтому он лишь прищелкнул языком, когда через два дня получил от Вавы Шебеко сообщение, что цесаревич на два часа задержался во фрейлинских покоях, а вслед за этим Мари Трубецкая внезапно сказалась больной.

Ну, что он говорил?! Жаль, что не поспорил хотя бы с Адальбергом, подумал Николай с насмешкою и не преминул вспомнить Шекспира:

Башмаков еще не износила,
В которых шла за гробом мужа,
Как бедная вдова, в слезах...
И месяц только! Слез ее коварных
Следы не высохли – она жена другого!

Вообще, устроена прелестная головка Мари Трубецкой была очень странно. Пожалуй, другую девушку известие о смерти возлюбленного надолго отвратило бы от светских удовольствий и уж точно не бросило бы в объятия первого подвернувшегося мужчины, не суть важно, цесаревич он или какой-нибудь пошлый гусарский поручик. Однако смерть Барятинского была ею воспринята, как бесспорное доказательство его измены. Коварной измены! И, в страстном желании хоть как-то ему отомстить, пусть даже мертвому, Мари с каким-то извращенным, почти страдальческим наслаждением отдалась великому князю Александру. И почувствовала себя истинно королевой... Хотя стала она после этого всего лишь *la reine d'une gauche main*⁵, как называют фавориток французы.

Что же касается Барятинского, то произошло с ним вот что.

В те годы действия русской армии против горцев особыми успехами не отличались, главное было не столько наступать, сколько удерживать взятую ранее территорию между крепостью Анапой, морем и устьем Кубани. В одной из экспедиций в сентябре 1835 года против племени натухайцев, живших в верховьях реки Абин, участвовал и Барятинский. Командуя сотней пеших казаков, в пылу рукопашного боя, окончившегося победой над горцами, князь был тяжело ранен ружейной пулей в бок.

⁵ Королева с левой руки (*фр.*).

Его вынес из боя бывший офицер, разжалованный в рядовые, Николай Колюбакин. Рана была очень серьезная (пулю до конца его жизни не извлекли), и он двое суток находился между жизнью и смертью, в беспмятстве. В один из редких моментов, когда возвратилось сознание, Барятинский продиктовал командиру черноморских казаков Безобразову духовное завещание, в котором распределил все свое имущество между родными и друзьями и просил ходатайствовать о возвращении Колюбакину офицерского звания. Последнюю просьбу исполнили, однако ходатайство это и явилось причиной для распространения слухов о гибели Барятинского.

Тем временем поистине богатырский организм князя поборол недуг, и ему разрешили для поправления здоровья уехать сначала в Петербург, а потом и за границу. Колюбакин по просьбе генерала Вельяминова, в отряде которого служил князь, описал его геройское поведение в послании его матери. Мария Федоровна Барятинская с гордостью показала письмо императрице Александре Федоровне. Та всегда живо интересовалась воинскими успехами своего прежнего протеже, а от нее подвиг Барятинского стал известен и при дворе, и всему петербургскому обществу.

Наградой за экспедицию было производство князя в поручики и пожалование золотой сабли. А когда он прибыл в Петербург, то в доме Барятинских с визитами, соболезнованиями и поздравлениями перебивал весь аристократический мир. Высшей честью для себя Барятинский должен был считать посещение его наследником цесаревичем...

Однако это был хоть и самый почетный миг, но и самый трудный. Слух, что у наследника престола появилась фаворитка, уже был у всех на устах, и Леонилла, особа довольно злоехидная, вздорная и совершенно безочарованная, несмотря на молодость, к тому же втайне завидовавшая «карьере» Мари, немедленно сообщила брату, как высоко поднялась (или сколь низко пала, тут уж каждый понимал вещи согласно своей испорченности) ее бывшая подруга.

– А помнишь, как ты целовался с ней на балконе? – не преминула она спросить, исподтишка поглядывая на брата.

И Александр словно только сейчас осознал, что он, оказывается, помнил об этом всегда, будто это происходило вчера...

Он еще не успел освоиться с новостью, как прибежал слуга с всполошенным видом: приближался выезд цесаревича!

И вот в дом Барятинского вошел великий князь Александр Николаевич со словами:

– Государь император повелевает вам состоять при наследнике! – И протянул руку молодому герою.

Князь Барятинский был благородный человек, превыше всего ставил служение долгу, остальное для него не существовало, поэтому он руку Александра принял и ответил на сердечное объятие цесаревича. Пожалуй, он не лгал в конце жизни, когда говорил, что это мгновение стало торжественным моментом очищения от прежней греховной жизни. Другое дело, что под этими словами он понимал очень многое...

А вот Мари не понимала! Она была убеждена, что о ее грехопадении никому не известно. Визиты к ней Александра Николаевича обставлялись достаточно таинственно, всякую болтовню на сей счет при дворе император пресекал на корню – не потому, что заботился о репутации Мари, а просто не хотел разговоров о чрезмерной чувственности сына. А Вава Шебеко, помня об угрозе удаления от двора, крепко держала язык за зубами. И вообще, что тут такого? Фаворитка наследника престола – не осудительно, а почетно! То есть так казалось в ее невероятном, гипертрофированном тщеславии. К тому же красота ее расцвела таким пышным цветом, что Мари не сомневалась: один взгляд на нее заставит онеметь любой, самый злой язык.

А Барятинский был по отношению к ней глух и нем. Они виделись почти ежедневно при дворе, на всех балах и раутах, и Мария смотрела на него не отрываясь. «Молодой человек, стройный, красавец собой, с голубыми глазами, роскошными белокурыми, вьющимися волосами, он резко отличался от других, составляющих свиту наследника, и обращал на себя осо-

бое внимание. Манеры его отличались простотой и изяществом. Грудь его была осыпана крестами и наградами...»

Ну, тут современник немного погорячился, Бярятинский заслужил в то время только Георгиевский крест и золотую саблю «За храбрость», однако для Мари и этого было достаточно. Впрочем, ей не нужно было никаких его наград, только бы он смотрел на нее с любовью!

Он смотрел равнодушно. Был вежлив, любезен, не более. Она для него являлась одной из многих. И если, узнав о возвращении Бярятинского в Петербург, Мари ждала от него со дня на день предложения руки и сердца, то теперь она была бы счастлива просто благосклонным взглядом.

Но Бярятинский смотрел куда угодно, только не на нее! И не он один, кстати сказать. Но и Александр тоже...

Глава 8

Нежные девичьи мечтания

«Любовь произошла из события, достойного Никитушки Ломова. Рахметов шел из первого Парголова в город, задумавшись и больше глядя в землю, по своему обыкновению, по соседству Лесного института. Он был пробужден от раздумья отчаянным криком женщины; взглянул: лошадь понесла даму, катавшуюся в шарабанах, дама сама правила и не справилась, вожжи волочились по земле – лошадь была уже в двух шагах от Рахметова; он бросился на середину дороги, но лошадь уж пронеслась мимо, он не успел поймать повод, успел только схватиться за заднюю ось шарабана – и остановил, но упал».

Соня отложила книгу и мечтательно вздохнула. Это было ее любимое место в модном романе «Что делать?» господина Чернышевского. Роман замечательный! Свободные люди, свободные чувства, свободные отношения... Соня вообразила себя Верой Павловной, правда, два обстоятельства мешали чувствовать себя ею вполне: внешность и родители. Вера Павловна была черноглазая и черноволосая красавица с безупречными чертами лица. Соня уродилась светловолосой и светлоглазой, с маленьким подбородочком, тонкими губками и высоковатым для своего невыразительного личика лбом. Мать Веры Павловны была сущее чудовище, настоящая Салтычиха. У Сони матушка – ангел Божий, единственное на свете существо, которое она любит. А кого еще любить? Брат – недоросль и лентяй, сестра – мещанка и дура, отец тоже не такой, как у Веры Павловны: не безвольный, жалостливый глупец, а холодный рассудком и сердцем губернатор. Теперь Перовские уехали в Петербург, Лев Николаевич сам стал губернатором. Так что прощай, друг детства Колька Муравьев, губернаторский сынок! Впрочем, Соне он стал скучен задолго до отъезда. Если его отец, как, впрочем, и Сонин, могли называться столпами правопорядка и угнетения всяческих свобод, то Колька был пока маленьким, но прочным столбиком. Ничего в жизни, кроме правил, его не интересовало.

Когда Соне исполнилось двенадцать, ей ужасно захотелось узнать, что такое – целоваться с мужчиной. Но не с Васькой же целоваться, фу, противно, у него вечно болячки на губах! Недолго думая, она вызвала Колю в сад и предложила целоваться. Тот вытаращил глаза:

– С ума сошла. Это неправильно. Мы еще маленькие, а целоваться только большим можно.

– Мы только один раз, – упрашивала Соня. – А потом подождем, пока большие вырастем.

Коля не соглашался. Уж как его Соня уговаривала... нипочем! Даже когда она взамен поцелуя предложила показать, что у нее под платьем и как начали груди расти. Колька ужаснулся и убежал.

С тех пор Соня ненавидела его и презирала.

«Подбежал народ, помогли даме сойти с шарабана, подняли Рахметова; у него была несколько разбита грудь, но, главное, колесом вырвало ему порядочный кусок мяса из ноги. Дама уже опомнилась и приказала отнести его к себе на дачу, в какой-нибудь полуверсте. Он согласился, потому что чувствовал слабость, но потребовал, чтобы послали непременно за Кирсановым, ни за каким другим медиком. Кирсанов нашел ушиб груди неважным, но самого Рахметова уже очень ослабевшим от потери крови. Он пролежал дней десять. Спасенная дама, конечно, ухаживала за ним сама. Ему ничего другого нельзя было делать от слабости, а потому он говорил с нею, – ведь все равно время пропадало бы даром, – говорил и разговаривался. Дама была вдова лет девятнадцати, женщина небедная и вообще совершенно независимого положения, умная, порядочная женщина. Огненные речи Рахметова, конечно, не о любви, очаровали ее: «Я во сне вижу его окруженного сияньем», – говорила она Кирсанову. Он также полюбил ее».

Соня вздохнула. Вообще, если честно, Колька поступил так, как советовала Жюли из этого же романа: «Умри, но не давай поцелуя без любви!»

Но что такое любовь? Ведь любовь очень отягощает жизнь. Вон сколько намучились Вера Павловна и Кирсанов с Лопухиным из-за любви! А на самом деле все сводится к поцелуям и еще кое к чему.

Соня провела рукой по книге. Можно и не читать. Она знает роман наизусть, как и Пушкина не знала, и может сама рассказать, что там дальше:

«Она, по платью и по всему, считала его человеком, не имеющим совершенно ничего, потому первая призналась и предложила ему венчаться, когда он, на одиннадцатый день, встал и сказал, что может ехать домой. «Я был с вами откровеннее, чем с другими; вы видите, что такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу с своею». – «Да, это правда, – сказала она, – вы не можете жениться. Но пока вам придется бросить меня, до тех пор любите меня». – «Нет, и этого я не могу принять, – сказал он, – я должен подавить в себе любовь: любовь к вам связывала бы мне руки, они и так нескоро развяжутся у меня, – уж связаны. Но развяжу. Я не должен любить».

Ах, все же Рахметов – идеальный человек, со вздохом подумала Соня. С одной стороны, он прав. С другой стороны, спал на гвоздях именно потому, чтобы этой «другой стороны» ему не хотелось. А Соне что делать – тоже на гвоздях спать? Нет, сейчас пошла такая жизнь, что ни в чем нет резону себе отказывать. Отец называет это развратом и распутством. Но есть иное слово, и оно нравится Соне больше.

Сейчас между барышнями и дамами в моду вошло французское словечко *йmancipation*, что означает «раскрепощение». Особы женского пола кинулись в эту самую *йmancipation*, как чувствительные натуры кидаются в любовь, будто в омут с головой! Стали посещать какие-то курсы, читать бог весть зачем написанные философские и экономические книжки, вступать в вольные беседы с мужчинами. Иные, самые передовые дамы и девицы принялись курить, стричь косы, обходиться без корсетов и проповедовать полную свободу любви.

Отношение к подобным барышням было неоднозначное. Кто-то приходил в ужас. Например, отец. Ну, он сатрап, монстр и вообще отсталый человек. А Соне хотелось отведать всякого кушанья, которое нынче подавалось под новым французским соусом.

Она сообразила, что ей страшно мешают путы девичества. Ей было пятнадцать, и она физически ощущала, как эти опостылевшие цепи сковывают ее по рукам и ногам. Не дают развиваться! Путы стесняли ее уже давно, однако приставать за разрешением от них к привлекательному лакею или конюху не позволяли остатки барской спеси.

Соня этого стыдилась, но пока не могла изжить в себе эту спесь. Именно поэтому и начала приглядываться к Александру Романову. Так звали Васькиного домашнего учителя. Был он студентом и вообще-то казался человеком если не новым, то вполне передовым. А уж если не повезло уродиться тезкой и однофамильцем бывшего императора и нынешнего великого князя, то ведь он в этом не виноват.

Был бы артист – взял бы псевдоним. Сделался бы каким-нибудь Алессимо Романеску. Или Алессандро Романчини. Или Бартоломео Кьянти. Но Александр Романов не был артистом и псевдонима брать не собирался. К сожалению, на Рахметова – с его волнующей красотой и статью Никитушки Ломова – студент не тянул: тощ и прыщеват. Соня с детства часто слышала от отца выражение: «За неимением гербовой пишут на простой!» – и усвоила его довольно прочно.

– Послушайте, Романов, – небрежно сказала Соня, подойдя к нему в классной комнате. – Я вон там, под своей кроватью, сережку потеряла, пойдете, поможете мне ее искать.

Романов покраснел, вскочил, побежал за Соней, как пес. Понял, зачем зовут? Неужели... Хорошо бы, чтобы не пришлось объяснять! Хорошо, если бы он первый к делу подступил, по-новому, смело, решительно, по-мужски. Соня отдалась бы ему. Ах, ужасное слово! Нет,

отдаться может какая-нибудь мещанская курица вроде сестры Маши. А новая женщина, какой собирается стать Соня, должна всего добиваться сама, брать своими руками!

И, закрыв дверь, она требовательно уставилась на студента. Тот уткнулся носом в пол и старательно искал сережку. Ничего-то он не понял...

– Ну вот что, Романов, – требовательно проговорила Соня. – Я желаю стать новой женщиной.

Студент поднял голову и посмотрел озадаченно.

– Да-да, Софья Львовна... Конечно...

Ничего не соображает, вот ужас!

– Я не могу стать женщиной без мужчины!

– А... что? – Романов сделался красен как рак, но с колен не встал.

Соня со вздохом задрала юбки. Панталон она нынче не надела – зачем, тепло! Она и корсет не носила дома, вот еще, свободу свою стеснять! Когда Романов увидит ее нагое естество, уж он, разумеется, сообразит, что к чему! Пол заскрипел, послышались какие-то странные звуки... Топот, что ли? Соня уронила юбки, которые мешали смотреть, и увидела, что Романов кинулся прочь! Дал стрекача!

Ну что ж, молодого человека можно понять. Он слишком боялся потерять тепленькое местечко в доме Льва Николаевича Перовского, куда попал по великой протекции, а потому и бросился наутек, подвернул ногу, упал и сделался к дальнейшему сопротивлению неспособен.

Соню это даже тронуло. Совсем как Рахметов, сбежавший от своей возлюбленной! Но Софья Перовская – не та анемичная вдовушка, которая покорно сложила ручки и ждала.

Она ждать не станет!

И вообще, Жюли, которая советовала Вере Павловне: «Умри, но не давай поцелуя без любви!» – проститутка. Не ее же слушаться, в самом деле!

Соня подошла к упавшему и, зафиксировав поврежденную конечность (девица Перовская с детства испытывала склонность к медицине), все-таки овладела молодым человеком, который не смог оказаться неблагодарным и удовлетворил ее желание, забыв о ноющей ноге.

Решительная особа была разочарована. Кровь да боль... Однако чувственность ее, та самая гипертрофированная чувственность, которая в будущем изменит ее характер, образ жизни и приведет к последствиям поистине разрушительным, пробудилась. Не прошло и дня – кровотечение прекратилось, боль утихла, а передок так и зудел! – Соня предприняла новый штурм «Рахметова».

К сожалению, она забыла, в каком многонаселенном доме живет. Домочадцы, множество прислуги... История сия не могла остаться тайной. У стен здесь были уши, у окон – глаза. Губернатору донесли о случившемся. Студента секли на конюшне, словно крепостного, а потом пинками выгнали вон, ну а университетское начальство постаралось снабдить его волчьим билетом.

Блудную же дочь отец отволтузил собственноручно, да так, что мать валялась в ногах у мужа, умоляя оставить бывшую девицу Перовскую живой и не изувеченной. Чудом уняли гнев отца, оскорбленного классовой неразборчивостью любимой дочери! Правильнее, впрочем, будет сказать – некогда любимой. С тех пор – как отрезало!

Глава 9

Разрыв

Великий князь сделался странным. Словно мало стало тех плотских утех, которые давала ему Мари. Что за манеры – разговоры в постели?! Мари чувствовала себя дурой, когда он вдруг начинал говорить... о стихах. Это ведь для чувствительных барышень!

А когда убили Пушкина? Мари устала слышать это имя на каждом шагу. На время его агонии и погребения все свидания цесаревича с его фавориткой отменили. А при первой же встрече он вдруг рассказал, что некоторое время назад ему передали записку от Василия Андреевича Жуковского, его воспитателя. Там говорилось: «Пушкина нет на свете. В два часа и три четверти пополудни он кончил жизнь тихо, без страдания, точно угаснул. Жуковский».

– Знаете, Мари, – тихо произнес Александр, – я был так потрясен, что ничего не мог делать. Даже дома оставаться не мог. Оделся и пошел на набережную Мойки, где жил *он*. – Это слово прозвучало с особенным волнением. – Я спрятал нос в воротник шинели, чтобы меня не узнали, хотя, конечно, на меня никто не обращал внимания. Там стояла очередь желающих войти в дом и поклониться покойному Пушкину. Я встал за каким-то господином, да вдруг застыдился да ушел.

– Ах, Боже мой, – воскликнула Мари, – как же вы смогли выйти из дворца незамеченным?

Александр посмотрел на нее недоумевающее, словно она изрекла несказанную глупость.

– Взял и вышел из Салтыковского подъезда, что особенного?

– И вас не остановили?!

– Разве я какой-нибудь преступник, чтобы меня останавливать? – усмехнулся Александр.

Мари спохватилась. Не о том она говорит... Понятно, надо о Пушкине!

– Чего же вы застыдились, отчего не пошли на покойника посмотреть? – спросила она, с трудом скрывая зевок.

Александр уставился на нее, будто она сказала нечто несурзное, и воскликнул:

– Вы не поймете! – И ушел.

Подобные сцены повторялись. А потом случилось нечто пострашнее всяких сцен.

В свите великой княжны Марии Николаевны появилась новая фрейлина – Ольга Калиновская. Она была дочерью Иосифа Калиновского, сторонника русского владычества в Польше. Николай благоволил к Калиновскому и после его смерти решил облагодетельствовать его осиротевшую дочь. Он всегда был щедр к своим друзьям и их семьям: Ольга мигом оказалась в Петербурге и была зачислена в штат фрейлин великой княжны Мэри.

Она не была такой уж красавицей, Мари Трубецкая выглядела гораздо привлекательнее, это подтверждали многие. Ольга Калиновская была попроще. Вкрадчивая, нежная со своей неяркой славянской прелестью. И тем не менее лишь только она появилась, а великий князь Александр уже глаз не мог от нее отвести.

Встретились они на балу.

То-то было замечено, что великий князь чрезвычайно оттачивает танцевальные навыки. Причем брал он уроки танцевания именно в бальном костюме, чтобы не казаться слишком натянутым, когда придет пора надевать чулки и башмаки. Конечно, вальсировал он еще слабо, но старался! Мари поначалу думала, что ради нее он пытается одолеть свою неловкость и застенчивость. Как бы не так!

Ради той, которую увидел на бале-маскараде... Ах, эти маскарады!

Велись они при дворе издавна, еще с Петровских времен, а уж когда начали в России править императрицы-дамы, тут маскарады стали особенно часты: ведь женщины обожают рядиться. И при Александре Павловиче они тоже проходили. Назывались в ту пору по-фран-

цузски – bals pares – костюмированные балы или, на старинный лад, куртаги. Хороши они были прежде всего тем, что на них приветствовать особ императорской фамилии не разрешалось. Все были равными, хотя бы внешне. Мимо императора и императрицы можно запросто пройти, не обнажая головы и не кланяясь. Потом о прошедших балах великие княжны еще долго говорили, вспоминая, кто как был одет, Ольга Николаевна даже в дневника записала: «Маман – волшебницей, императрица Елизавета Алексеевна – летучей мышью, я – индийским принцем, с чалмой из шали, в длинном ниспадающем платье и широких шароварах из восточной ткани».

Не раз проходили маскарады, где все рядились в платья одной эпохи. И вот назначили Китайский маскарад. Император Николай Павлович оделся мандарином, с подложенным огромным животом, в розовой кругленькой шапочке с висящей косичкой... Парик тоже сделали особенным, с черными, лаково блестящими волосами, ну и грим... Куда девались большие, ледяные, голубые глаза? Они неведомым чудом стали черные и узкие! Узнать императора было невозможно!

При мандарине имелся целый выводок прелестных придворных дам в высоких прическах с торчащими из них шпильками. У одной, видимо, вместо шпилек были стрелы Амура, потому что она накрепко пришила к себе сердце царевича Александра!

Ольга вскружила ему голову и немедленно начались шушуканья: мол, имеются самые верные сведения, что цесаревич предъявил ультиматум отцу: он хочет жениться на Ольге.

Мари готова была разорвать на части эту «хитрющую полячку»! Что и говорить, прежде роились у нее в голове честолюбивые замыслы: а вдруг Александр Николаевич настолько влюбится в нее, что предложит ей тайный брак? Нет, ее мысли никогда не заносились на престол... а впрочем... почему бы и нет?! В конце концов, на русский престол восходили даже солдатские маркитантки, а она все-таки высокородная княжна. Почему бы не воскресить старинный обычай брать царевичам в жены не заштатных немецких герцогинечек, а своих, родовитых русских девиц-княжон? Но ладно, она согласилась бы даже на морганатический брак с наследником русского престола.

Она пыталась саму себя уверить, будто великий князь Александр внушал ей эту мысль, обманул ее если не обещаниями сочетаться с ней браком, то хотя бы намеками на это... И только ради этого она в свое время предпочла его Барятинскому! А теперь что же – потеряла обоих?

Ну, с великим князем все ясно: только император узнал о его страстной влюбленности в Ольгу Калиновскую, как немедленно призвал к себе сына и принялся внушать ему, что не его это жребий. Жениться на какой-то безродной полячке, пригретой при дворе из милости, тем паче католичке, – ему предстоит жениться на девушке из правящей династии, а для этого он должен немедленно отправиться в путешествие по Европе, найти себе жену на той ярмарке невест, которую представлял собой прусский императорский дом.

Это путешествие должно было стать не только лекарством от любви к Ольге Калиновской (ее, кстати, отправили в Польшу и выдали замуж за одного из отпрысков известного рода Огинских), но и оторвать Александра от Мари Трубецкой. Вернее, Мари Трубецкую от цесаревича. Ну и вообще – довершить его образование, уже не плотское, а светское.

Конечно, Александр уезжал с тяжелым сердцем: боялся, что во время его отсутствия Ольгу выдадут замуж. А Мари тихо на это надеялась.

Николай Павлович долго размышлял, кого назначить сыну в спутники. И решил, что лучше Барятинского человека он не найдет. Молодой князь недавно вернулся в Петербург после продолжительного лечения за границей и вот опять получил предписание отправиться в путешествие.

Это стало ударом для Мари Трубецкой. Она надеялась, что после отъезда великого князя Барятинский почувствует себя свободнее и скажет ей наконец те слова, которые она так ждала.

Мари не сомневалась, что его сдерживает лишь присутствие наследника! Лучший, завиднейший жених Петербурга должен принадлежать ей! Пора было выходить замуж.

Но Барятинский отбыл в Европу.

Тем временем придворные дела в России шли своим чередом. Великая княжна Мария Николаевна была помолвлена с герцогом Лихтенбергским, и не просто помолвлена, а влюблена в него. Герцог принял предложение императора остаться с женой в России, и после свадьбы молодые должны были переехать в Мариинский дворец на Исаакиевской площади. Балы в честь помолвки Мэри следовали за балами, и в кругу красавиц появилась еще одна: подросла великая княжна Ольга Николаевна.

Что и говорить, все дочери Николая Павловича и Александры Федоровны были прелестны, унаследовав самые нежные, очаровательные черты матери, но Ольга была особенной красавицей. Альфред де Кюстин уверял, что она – любимица всех русских, невозможно представить более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность.

Мари Трубецкая была достаточно вышколена и благоразумна, чтобы относиться с веселой, ласковой, приветливой почтительностью к дочери императора, однако в глубине души полагала, что немудрено всем нравиться, будучи великой княжной! И успех Ольги на придворных балах она относилась исключительно на свет лизоблюдства лучших кавалеров, которые наперебой стремились выслужиться перед царской фамилией, втихомолку бросая жадные взгляды на первую красавицу Петербурга Мари Трубецкую, но расшаркиваясь перед юной царевной.

Это задевало ее, но не сильно. Все эти паркетные шаркуны были ей безразличны. Но когда в Петербурге появился вернувшийся из-за границы Александр Барятинский... и когда он с первой минуты начал бросать на великую княжну невероятно-влюбленные взгляды, какими никогда в жизни не удостаивал Мари, у высокомерной красавицы возникло ощущение, будто сердце публично вырывают у нее из груди и презрительно топчут ногами.

Сколько ночей она не спала из Барятинского, как мечтала о нем, какие строила планы! И теперь – полное равнодушие. Ничего, кроме равнодушия!

И это благодарность за любовь, которую она к нему питала?!

Совершенно неведомо, почему Барятинский должен был благодарить ее за любовь, которая его не волновала. Но Мари теперь казалось, будто она пожертвовала для него жизнью, всем своим счастьем! Еще немного – и она уверила бы себя, что и цесаревичу-то отдалась лишь для того, чтобы переменить мнение императора и его сына о Барятинском: ведь поначалу они с нескрываемым презрением относились к молодому повесе. А уверив в этом себя, она принялась бы уверять и Барятинского.

Да вот незадача: он снова отбыл за границу. У великой княжны на прелестном лице смешивались слезы и восторг первой любви. Мари следила за ней, как ей самой чудилось, словно из засады своего горя, ревности и зависти, и читала пронизательным взором: любовь Ольги взаимная! И пусть у влюбленных нет никакой надежды связать свои судьбы, Ольга вступит в династический брак, такова участь принцесс, пусть сердце Барятинского будет разбито, но вряд ли он придет за утешением к обворожительной Мари Трубецкой. А если даже и придет – ему потребуются утешение определенного рода. Такое, какое можно получить у любой девки!

С ужасом она обнаружила, что, оказывается, при дворе у нее уже сложилась определенная репутация. И если ей еще не делали пока нескромных и даже оскорбительных предложений, то можно было не сомневаться, судя по откровенным, развязным, порою даже наглым взглядам, что подобное предложение не замедлит воспоследовать.

Нет! Ждать такого позора? Нужно срочно, немедленно выйти замуж. За кого? Желательно бы за Барятинского. Но его нет, и ждать от него предложения не стоит. Бессмысленно! К тому же Мари преследовало желание уязвить Барятинского своим замужеством. Почему он

должен быть уязвлен, она не понимала, но не сомневалась, что будет, особенно когда убедится, какую блестящую партию сделала Мари Трубецкая.

С помощью маменьки и кое-кого из родни она ненавязчиво довела до сведения всего Петербурга, что одна из завиднейших невест России (Мари считала себя таковой совершенно искренне, несмотря на то что у нее не было ни гроша, кроме тех двенадцати тысяч штатного фрейлинского приданого) готова отдать свои руку и сердце тому, кто больше предложит. Однако она изумилась, когда ни один из высокородных соискателей и шага не ступил в ее направлении.

Впрочем, одно предложение она все же получила. Но сделал его не князь, не граф, хотя и отпрыск хорошего рода – Алексей Григорьевич Столыпин. За него она в конце концов и вышла замуж, окончательно перестав играть даже самую малую роль в судьбе великого князя Александра Николаевича.

Глава 10

Принц ищет принцессу

Итак, наследник отбыл за границу. Это разбило сердце Сонечке Давыдовой. Вава Шебеко, опустив голову, докладывала императору:

– Ваше Величество, бедная Давыдова (следует заметить, что бывшие смолянки – а Вава Шебеко, как и почти все фрейлины, закончила Смольный институт, – прочно усваивали эту привычку: называть друг друга только по фамилиям, даже в дружеских разговорах) любила наследника так же свято и бескорыстно, как любила Бога. Ах, когда он уезжал в свое путешествие по Европе, Давыдова будто предчувствовала, что эта разлука продлится вечно. Она простилась с ним, как прощаются в предсмертной агонии, благословляя его на новую жизнь, как благословляют тех, кого оставляют в мире, уходя в иной, лучший мир, и сказала ему, что она будет как святыню вспоминать его имя и молиться о его счастье.

Николай Павлович покашлял – челюсть свело от этой Вавиной мелодекламации! – и пожал плечами: насколько ему было известно, от любви еще никто не умирал. Вот и Давыдова переживет разлуку.

– По слухам, – продолжила Вава, – она собирается сделаться Христовой невестой.

Николай Павлович вздохнул. Ну-ну... давай, Офелия, ступай в монастырь! Саше предстоит так много сделать в своем путешествии, что не стоит ему даже и вспоминать о каких-то минувших влюбленностях – своих или чужих.

Ах, не зря горевала Сонечка Давыдова! Ее возлюбленный царевич уезжал на целый год. Он должен был посетить Германию, Швецию, Англию, Австрию, но не ради того, чтобы довершить в Европе свое культурное и политическое образование, посетить музеи и библиотеки, картинные галереи и замки владетельных особ, парламенты и фабрики. Он должен был подыскать себе невесту.

Сначала он провел три недели в Германии, потом три недели в Дании, затем отправился в Италию. Постоянно внушал себе, что пора забыть Ольгу Калиновскую, главное для наследника престола – не чувства, а долг. Но перед глазами у него всегда был пример отца и матери, которые поженились по нежной любви. И Александру ужасно не хотелось жениться на какой-нибудь мымре хорошего происхождения лишь потому, что это удачный брак с династической точки зрения. Мучайся с ней всю жизнь, восходи на брачное ложе с дрожью в коленках...

Вместе с тем Александр прекрасно понимал, что супружеским ложем плотские радости ограничены быть не могут. И все же хотелось жениться на хорошенькой... чтобы вздрагивало при прикосновении к ней сердце, радовалась плоть, ну и она достойно смотрелась бы во всех драгоценностях, которые полагалось носить великой княгине, чтобы блеск русских бриллиантов не затмевал ее невзрачность, а оттенял красоту.

Хорошеньких принцесс – ганноверских, штутгартских и разных прочих – на пути ему встречалось великое множество. Все они влюблялись в красивого принца и готовы были мчаться с ним под венец, покинув отца, мать, родимый замок и распростившись даже с верой своей страны, потому что переход в православие являлся необходимым условием будущего бракосочетания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.